

Сергей Александрович Жигалкин

А второй этап, конечно, превратить наше государственное устройство в нормальное государство. Безусловно. Но это потом. Сейчас сразу не получится. Ну мы за что боремся? За свободу! Такая...

Алексей Рядинский: Ну вот я думаю, что достаточно.

В заключение тогда я скажу, что мы хотели поговорить о русской идее. Может быть, не очень о русской идее получилось, потому что, с моей точки зрения, это то, что надо осмысливать, то, что надо создавать, то, что надо возрождать, то, что надо делать, а не то, что мы можем просто в виде манифеста выразить сейчас и как-то этим вооружиться. С удовольствием я бы вооружился, но, к сожалению, это пока в таком хаосе. Всё. Спасибо.

Доклад 10.

Русская экзистенциальная неустроенность

Владимир Иванович Мартынов

Композитор, мыслитель, писатель, историк, знаток древней и современной музыки. Преподаватель авторского курса музыкальной антропологии в МГУ им. М. В. Ломоносова.

Разговор о российской идентичности мне хотелось бы начать с текста Солженицына, который назывался «Как нам *обустроить* Россию?». Мне бы совершенно не хотелось касаться содержания этого текста, но ведь писатель может найти и подобрать какие-то очень интересные слова, и тут слово «*обустроить*». Как нам *обустроить* Россию?

Россия – это что-то, нуждающееся в *обустройстве*. И очень интересно, что вот этот призыв Солженицына очень хорошо согласуется с началом «Повести временных лет», когда славяне призывают варягов и говорят им: «Земля наша богата и обильна, но порядка в ней нет. Приходите к нам княжить».

Собственно говоря, это тоже призыв к *обустройству*. Если практически между этими двумя призывами проходит больше чем тысяча лет, значит, тысячелетняя история России – это некая история, которая все время нуждается в каком-то *обустройстве*. Вот ее надо обустраивать, обустраивать, а она все так и не обустроена за тысячу лет. И при Солженицыне, и сейчас она не обустроена, и получается так, что *необустроенность*, может быть, это **экзистенциальное онтологическое качество** России. Вот это надо тоже как-то принять.

Тут сразу надо разделить *необустроенность* России на два таких как бы сегмента и на два уровня: есть *необустроенность бытовая* (социально-бытовая), и эта *необустроенность*, конечно, неприятна. Это отсутствие дорог, это слякоть, какая-то неубранность, это отсутствие хороших туалетов, отсутствие хорошей туалетной бумаги и много чего другого. И конечно, такая обустроенность очень нам приятна, когда мы раньше приезжали в Европу, Бельгию, в Голландию, в Германию, нам было приятно, как там все обустроено.

Итак, есть неустроенность социально-бытовая, но есть еще онтологическая, или экзистенциальная, неустроенность внутренняя. И ее положительная сторона в том, что это *экзистенциальная, или онтологическая, неустроенность приводит к свободе от привязанности*.

Вот это очень важно. Действительно, обустроенность приводит к привязанности, значит, неустроенность от этих привязанностей отучает. В какой-то степени это очень положительно. Это то, о чем писал Достоевский. Это всемирная отзывчивость русского. Мне нравятся вот эти слова. Я бы сказал по-другому: открытость к другим моделям мирообустройства. А если еще жестче сказать: это открытость России другим цивилизационным моделям, т. е. у России есть некий онтологический посыл – быть постоянно открытым к обустройству и к принятию других моделей мирообустройства.

Та обозримая история, которую мы знаем с «Повести временных лет» до наших дней – это практически все время история принятия России и русскими неких **вне-положенных моделей мирообустройства** или неких **инородных цивилизационных моделей**. Именно это произошло при Крещении Руси. Очень важно подчеркнуть – это принятие других моделей обустройства мира происходит не потому, что это какие-то насильственные военные действия, это (принятие) происходит совершенно добровольно.

Святой равноапостольный князь Владимир принял христианство по какому-то размышлению. И вот он его принял, но что он (конкретно) принял? Он принял византийскую модель мирообустройства, он принял византийскую модель цивилизации. Он принял пакт с Византией. Он сделал так, что эта византийская модель мирообустройства сделалась нашей моделью, о чем свидетельствуют и иконопись, и зодчество, и вообще жизнь нашего народа. И это сделалось настолько свойственно нам, что, даже когда Византия перестала существовать, мы поняли, что Москва – это третий Рим, это тот Константинополь, который пал, и другому не бывать. На этом примере понятно, насколько мы глубоко принимаем вот эту модель, которая не нами рождена.

Добровольное принятие следующей модели, переход под юрисдикцию цивилизационную, состоялось при Петре Первом, который своим волевым решением переключил нас с третьего Рима на европейскую модель цивилизации (Рах Еигорае). Это заключалось во всем: это и государственное устройство, и административное устройство, упразднение патриаршества, упразднение монашества, и, среди бытовых вещей, ношение париков и табакокурение. От и до. И в этой парадигме мы жи-

ли, в общем, около двухсот лет. Потом наступили некие критические события, Октябрьская революция, и наступило еще одно добровольное принятие чуждой юрисдикции, но на этот раз Рах Америгана, т. е. индустриализация, уничтожение деревни.

Что такое индустриализация? Индустриализацию нельзя рассматривать в отрыве от раскулачивания, от расказачивания, от уничтожения вот этого самого христианского быта. И надо сказать, что все ключевые наши победы индустриальные (я сейчас беру не Днепрогэс, а, например, мясокомбинат Микояна, Мосфильм, АМО) – это калька американских предприятий. Лозунг, возникший после Второй мировой войны – «Догоним и перегоним Америку». Мы находились вот в этой парадигме, в которой надо как-то действовать.

В общем, я хочу сказать, *что история России (и в этом ее специфика) примеряет на себя чужие модели мирообустройства, которые созданы чужими, так сказать, в других местах*. Но она на себя примеряет их и примеряет иногда настолько успешно, что они становятся даже более успешными, чем там, где были изобретены.

Но не всегда это происходит добровольно. Я вот перечислил добровольные присоединения – Крещение Руси, петровские реформы, индустриализацию 1930-х годов. (А ведь именно она позволила нам выиграть Вторую мировую войну.) Но есть еще и недобровольные принятии. Вопрос о татаро-монгольском нашествии – это сложный вопрос. Многие сейчас их не считают игом, но тем не менее его (игу) тоже нельзя назвать моделью обустройства. Потому что нельзя назвать кочевническое объединение моделью мирообустройства. Но, во всяком случае, мы присоединились к этому и получили не только массу заимствований в языке и в обычаях. То, что нас называют ордой, это о многом говорит. Да, мы сейчас можем соглашаться, не соглашаться. Но для европейцев и для украинцев мы – орда. Это не настолько беспочвенно, как кажется. Но остановим оценочное суждение в этом случае.

Можно сказать, что на протяжении нашей истории мы добровольно подпали под три юрисдикции цивилизационных, а недобровольно – под одну. Это одно, это можно констатировать. А второе заключается в том, что, когда мы принимаем какие-то вот эти юрисдикции, когда мы добровольно под это подпадаем, кажется, что юрисдикция предыдущей модели уничтожается. Например, когда равноапостольный князь Владимир принял христианство, все идолы были низвержены: все забыли об этом, с язычеством было покончено. Неважно, что есть легенда, будто они всплыли на другом берегу. С этим было покончено!

Я был участником этнографических фольклорных экспедиций в середине 1960-х годов. Мы ездили в Архангельскую и Вологодскую области. И я видел, как колхозница лет пятидесяти, крестьянка, зажигает лампадку перед иконой Параскевы Пятницы, а возле своей избы ставит блинчики с молоком для домового. Потому что вера во все это оставалась, вера в домовых, леших, кикимор, в то, что с ними надо жить. Есть лесовой, есть гумновой, есть банный, вот эти такие духи. И поэтому надо ставить свечку и Параскеве Пятнице, и Господу нашему Иисусу Христу, но и про молочко (для духов) не надо забывать.

Это что касается византийской парадигмы, которую у нас ввел князь Владимир.

Теперь реформа Петра Первого. Ну, казалось бы, состоялась победа европейской парадигмы: патриаршество упразднили, монашество практически свели на нет, бороды бреют, табакокурение – можно, шутейские соборы есть. Уже кажется – вот она, европейская культура. И вместе с тем в XVIII веке появилось старчество, Оптиная пустынь, появляется Серафим Саровский, и вы все понимаете, что это значит...

Чем интересна, чем специфична идентичность русская? Тем, что появляются вот эти модели, что одна модель не упраздняет другую. Они начинают просвечивать друг через друга и воздействовать друг на друга. Это как река зимой: она подо льдом, лед застывает, а там течение есть. И вот синодальный период: кажется, никакого монашества нет, но вместе с тем мы видим расцвет старчества. И это конец XVIII и начало XIX века. Сейчас еще последний пример приведу, чтобы это проиллюстрировать.

Казалось бы, идет индустриализация, всё, деревне – конец: разорение деревни, раскулачивание, расказачивание, потом то, что при Брежневле начали делать. Казалось бы, (уничтожили) русскую основу крестьянского народа, и вдруг в 1960 году появляются Распутин, Белов, Астафьев, Залыгин. Появляется деревенская литература.

Я что хочу сказать? В чем какая-то совершенно неповторимая специфика России? Да, мы принимаем сначала *Rex Vizantiae*, потом *Rex Eurgoraea*, потом что-то там еще. А потом они начинают *просвечивать друг через друга*. Сквозь петровскую реформу начинает просвечивать век русской святости, Преподобный Сергей и преподобный Савва. За реформой Владимира начинают просвечивать все эти языческие идола, за уничтожением русской деревни начинает просвечивать литература «деревенщиков».

И вот главное, что надо сказать. То противостояние, которое сейчас существует между нами и Западом, мне кажется, это совершенно не ци-

визационное противостояние, а антропологическое противостояние. Я сейчас хотел бы немножко с другой стороны зайти.

Можно начать с такого тезиса, что *сейчас настал конец времени цивилизации*. А что такое цивилизация вообще? Если мы возьмем общее (время) существования человека в том виде, в каком он есть, в биологическом, анатомическом и прочем, то в принципе это 200000 лет. А история цивилизации начинается где-то 5000 лет назад, или за 3000 лет до нашей эры. Это Урук, Шумеро Аккад, это Междуречье и древние царства Египта и т. д. И что такое вообще цивилизация? Цивилизация начинается с построения города, и вот мы начинаем...

Кстати говоря, сейчас принято насмехаться над Фукуямой, который говорит о конце истории. Вот, мол, «какой он глупый человек». Но говорить о конце истории не совсем глупо, потому что о ней говорили и Гегель и Кожев в разных аспектах.

Но если мы говорим о конце истории, конце цивилизации, то надо бы поговорить и о начале, когда начинается цивилизация, когда начинается история. Так вот она начинается где-то 5000 лет назад с Ура, с Междуречья. Вот это 5000 лет и 200000 лет. А что было до этого? Надо сказать, что вообще-то возникновение цивилизации, возникновение истории, можно сказать, это неоднозначное событие, можно сказать, что это какая-то катастрофа. Это что-то очень нехорошее. Во всяком случае, это говорю не я, это вообще-то говорит Писание. Потому что с чего начинается история, если мы возьмем Ветхий Завет?

Каин-земледелец убивает Авеля. Но это как бы все и так знают. Но сейчас мы не будем акцентировать, что с этого начинается агрокультурная катастрофа, в центре которой мы все находимся. Но что происходит дальше? Об этом мало кто читает. Он пошел и от лица Бога построил первый город, т. е. он заложил основы цивилизации. Кто у нас закладывает основы цивилизации? Для того чтобы заложить основы цивилизации, надо было убить в себя Авеля, вот этого пастуха, который там на природе жил. Значит, это уже есть что-то не совсем хорошее.

Это отражено также в эпосе о Гильгамеше. Там более подробно это описано, это смерть Энкиду (это друг, сограбитель и соперник главного героя). В общем, смерть Энкиду и убийство Авеля – вот что лежит в основе нашей цивилизации. Цивилизация – это нехорошо, а что в этом нехорошего? Не было деления на культуру и природу.

Что значит построение города? Это значит, что человек построил некую стену, где отгородился от природы, и он тут стал цивилизованным человеком, Бога поместил на небо, которому он там молится, и, в общем, вот это и есть культура. Это забвение того радостного момента,

когда были боги, люди и животные, когда между ними не было разделения. Да, это до убийства и смерти. А вот за столетия до начала истории человек жил совсем в других условиях: там не было господства, не было главенства. Это то, что Теренс Маккенна называет **культурой солидарности**, а Тимоти Мортон называет очень хорошим словом **«симбиотическая реальность»**.

У нас память есть о тотемном таком существовании, где нет разницы, где животные, люди, камни, звезды жили в одном (мире), они не отгораживались друг от друга. Но тем не менее получилось так, как получилось. И значит, мы строители цивилизации. А что такое цивилизация? Любая цивилизация – это град на холме. Сейчас принято говорить о том, что Pax Americana – это град на холме.

Любая цивилизация, даже, может, не состоявшаяся, начинается с того, что она строит этот град, т. е. огораживает себя от природы и что-то делает. Тойнби насчитывает больше 20 цивилизаций. Дело не в числе. Но любая из этих цивилизаций – это Град. Цивилизация происходит от слова *civitas*. Это очень интересно. И значит, любой человек, принадлежащий к цивилизации и считающийся цивилизованным человеком, он *Homo urbanus*, он так или иначе городской человек. Даже если он живет (как сейчас многие богатые люди) за городом, а в город приезжает на работу. И в принципе сейчас мы присутствуем при крушении не Pax Americana, не Pax Europaеа, мы присутствуем при крушении самого принципа цивилизации. Цивилизация – это то, что прекращает свое существование. Цивилизация – это то, у чего нет будущего.

Вот тут интересна наша роль, российская, или не российская, а русская. Вообще, очень хорошо, что нас европейцы и американцы не считают за цивилизованных людей. Меня это радует, потому что мы не *homines urbani*. Ведь *homines urbani* – это обреченные люди, потому что кончается время цивилизации.

А кто мы? Мы – представители вида *Homo errens*, т. е. мы – блуждающие люди, мы – бродяги. У нас нет этих самых привязанностей, поэтому, когда этот мир обрушится, а он уже сейчас обрушается, те все люди погибнут, потому что они даже не приспособлены, они не приспособлены к отсутствию связи. Вот они говорят о каких-то ценностях, но они даже не понимают такую ерундовую вещь, что, допустим, ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет слова «ценность». Есть слово «сокровище».

То есть любой человек, который вот сейчас говорит о ценностях (вот эти европейцы говорят о ценностях, каких-то европейских и христианских ценностях) – это настолько чудовищно смешно, они даже не понимают, о чем они говорят. Вы представляете себе первых христиан-

ских мучеников, которые выходят на гладиаторские арены, чтобы быть скормленными зверям, и при этом они умирают за христианские ценности? Ценность – это вообще смешно.

В евангелии употребляется другое слово, «сокровище» – то, что невозможно извлечь. А что такое ценность? Ценность – это утраченное сокровище. Когда современное человечество говорит о ценностях, это обреченные люди, которые даже не люди уже, это зомби практически. Да, все западные европейские люди и, кстати, очень многие у нас – это практически зомби, потому что они забыли о том, что такое сокровище человека.

Очень смешно дела обстоят с сокровищами, очень смешно и с ценностями. Потому что эти люди забывают, что где-то в 1971 году при Никсоне произошла отвязка валютного (золотого) фонда от курса валют, поэтому сейчас вообще никаких ценностей нет.

Собственно говоря, *homines urbani* – это вот эти западные люди, которые нам хотят предоставить какие-то ценности и которые сами держатся за них. Они думают, что они живут в каких-то огражденных местах... Значит, что я хочу противопоставить? Не хочу произносить словосочетание «русский мир», потому что это немножко скомпрометированные какие-то слова. Но если мы говорим о Византии, Pax Europaеа, Pax Americana, то давайте говорить и о Pax Rossiae, о нас.

Знаете, чем мы от них отличаемся? Это все грады на земле, они все построены на каких-то холмах, на том холме, на этом, на Манхэттене там или на семи холмах, как Рим, или еще на чем-то таком. А у нас города нет. Вы знаете, ведь наш архетип – это город Китеж. Этого Китежа, его и нет: звон можно услышать, а его нет, можно отражение увидеть в этом самом озере, а его нет. В конечном итоге это небесный Иерусалим, это то, что нельзя построить на земле. Сейчас вот идет борьба, которую и борьбой трудно назвать. Ну зачем бороться с порядком, который уже отжил. Не будет никаких цивилизаций, не будет этого ничего.

По-разному это называют; допустим, Тимоти Мортон говорит о симбиотической реальности, когда люди, животные, камни, боги жили сообща и не знали разделения. Теренс Маккенна называет это состояние культурой солидарности в отличие от диктатуры смысла и т. д.

На этом можно и закончить. Я упоминал англосаксов, а лучше закончить Хлебниковым. Он сказал:

**Я кое-как проковыляю
Пору пустынную,
Пока не соберутся люди и светила
В общую гостиную.**

Владимир Иванович Мартынов

В общем, вот эта пора пустынная – это Pax Romana, Pax Visantiae.

И последнее, что я хотел сказать. *Homo urbanus* и *Homo errans*: городской человек и бродяга. Городской человек живет в доме, это домашний человек. И очень хорошо Хайдеггер сказал, что язык – это дом бытия. Замечательно сказал, но это хорошо подходит для вот этих домашних городских людей. А мы, *homines errans*, хотим этот дом разобрать, мы его уже разобрали. *Мы хотим жить не в доме бытия, и мы хотим жить в самом бытии, где нет никаких стен и поэтому мы – homines errans, и в этом при-зва-ние рус-ско-го че-ло-ве-ка.*

Доклад 11.

Гибридная идентичность в контексте русской идеи

Иеромонах Лаврентий (Руслан Васильевич Собко)

Преподаватель Нижегородской духовной семинарии,
духовник Нижегородской духовной семинарии.

Уважаемые участники, я в своем докладе хотел бы порассуждать о том, что же такое русская идея. На мой взгляд, сама концепция русской идеи неоднозначна.

Итак, русская идея – она непосредственно связана с понятием «русский мир», которое, вероятно, в XXI веке требует отдельного исследования. Что же такое русский мир сейчас? Само понятие «русский мир» не оригинально, и в античности существовал некий «Pax Romana» – римский мир, римский круг римских земель: «Orbis romanus pictus». В современном контексте, наверное, Pax Romana чаще упоминают как Pax Americana – американский мир. То есть можно сказать, что русский мир, хотя и сейчас иногда представляют его как некоторое современное политическое изобретение, но это одна из форм античной национальной или наднациональной, транснациональной идентичности. Если мы используем этот термин именно как мир, Pax Romana или Americana, то можно ли сказать, что это русская идея, или здесь мы уже следуем в контексте европейской цивилизации: вот существует какая-то древняя идея римского мира, и мы ее транслируем. Или нам нужно было бы изобрести какое-то свое понятие? Существует ли кроме этого какой-нибудь другой, например, японский мир или китайский мир. С одной стороны, учитывая цивилизацию культуры этих стран, можно действительно сказать, что какой-то есть особый путь китайский и японский, а с другой стороны, японский мир, он не часть ли современного американского мира или европейского мира? А если брать как некую национальную религиозную идентичность, то не часть ли это буддийской цивилизации или индуистской цивилизации? Вопрос весь в том, что хочет человек выяснить, когда он называет свой мир русским миром, китайским миром, американским миром. Что есть признак этого всего?